

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47) DOI 10.25986/IRI.2023.93.3.002

В. В. Долгов

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия. dolgov@udm.ru

ПОСТРИГИ КНЯЖИЧЕЙ В ДРЕВНЕЙ РУСИ XII–XIV вв.

Статья посвящена постригам княжичей в Древней Руси XII–XIV вв. Постриги – обряд возрастного перехода, сведения о котором встречаются в русских летописях. В статье определены основные этапы изучения постригов, систематизированы сопутствующие источники, произведен критический анализ точек зрения на происхождение и суть этого обряда в отечественной исторической литературе. Автор обосновывает вывод, что постриг княжичей является частным случаем обряда детских постригов, имевшего широкое распространение и языческие корни.

Ключевые слова: Древняя Русь, постриги, летописи, инициация, обряды перехода

Древнерусские источники представляют нам не слишком много материала для изучения повседневного обихода и особенностей жизненного цикла человека Древней Руси. Тем ценнее каждое такое упоминание. Среди прочих внимание исследователей давно привлек обряд постригов юных княжичей. В некоторых случаях обряд пострига упоминается вместе с обрядом посажения на коня. Контекст этих упоминаний позволяет думать, что оба ритуала составляют элементы одного обряда возрастного перехода. Возраст, когда происходило это действие, – совершенно еще детский, 3–4 года, давал основание считать постриги первым в ряду возрастных обрядов перехода, мероприятием, отделяющим младенчество от детства.

Летописных сюжетов, связанных с постригами, совсем немного. Если вести счет самым ранним оригинальным свидетельствам, всего их будет семь. Четыре из них читаются в Лаврентьевской летописи, два – в Летописце русских царей (Летописце Переславля Суздальского), один – в Новгородской летописи.

Первые шесть (известия Лаврентьевской летописи и Летописца русских царей) восходят к Владимиро-Суздальским летописным сводам начала XIII в. Причем более поздний Летописец русских царей сохранил больше сообщений о постригах княжичей XII в., чем Лаврентьевская летопись.

В Летописце русских царей о постригах сообщают статьи под 1192, 1194, 1196 и 1198 гг. В Лаврентьевской летописи текст почти идентичен тому, что мы видим в Летописце русских царей. Однако при общем сходстве в нем имеются лакуны: сохранились известия только за 1192 и 1194 гг. Очевидно, Летописец русских царей в статьях под 1196 и 1198 гг. полнее отразил текст их общего протографа, а в Лаврентьевской летописи обе статьи по каким-то причинам подверглись сокращению: у них «отсечены» заключительные части, в которых-то и содержались сведения о постригах.

Можно предположить, что статья, помещенная под 1196 г., была сокращена поздним владимирским (или, быть может, ростовским, работавшим по заказу князя владимирского) сводчиком по той причине, что вторая ее часть, в которой говорится о постригах сына князя Всеволода, содержит большой объем сведений о рязанских князьях, гостивших в это время у великого князя. Видимо, сводчик счел эти сведения лишними и выбросил, а вместе с ними уничтожил и известие о пострижении княжича. Статья под 1198 г. могла быть сокращена владимирским сводчиком по аналогичной причине: ее вторая часть, содержащая, помимо прочего, известие о постриге, рассказывает в основном не о владимирских, а о новгородских событиях.

Вместе с тем Летописец русских царей (Летописец Переславля Суздальского) молчит о постригах 1212 и 1302 гг., о которых говорит Лаврентьевская летопись, и о постриге 1230 г., о котором сообщает Новгородская летопись. Очевидно, потому, что постриг 1212 г. случился в Ростове, 1230 г. – в Новгороде, а 1302 г. – в Твери.

Если свести все оригинальные известия воедино, картина будет выглядеть следующим образом.

«[1192] В лѣто 6700 месяца иуля, в 28 день на память святаго мученика Ефѣстафѣя въ Анкюрѣ Галатиистѣи быша постригы у великаго князя Всеволода сына Георгева внука Володимеря Мономаха сыну его Георгеви в граде Суждали. Тогож дни и на конь его всади. И бысть радость велика в градѣ Суждали»¹.

«[1194] В лѣто 6702 Быша постригы у благовѣрнаго и христолюбиваго князя Всеволода, сына Георгева, сына его Ярославу месяца априля въ 27 день на память святаго Семеона, сродника Господня, при блаженѣмъ епископѣ Иоанѣ. И бысть радость велика в градѣ Володимери»².

«[1196] Того же лета быша пострегы у великаго князя Всеволода сыну его Володимиру при епископе Иоанне, а княземъ рязанскимъ ту сущемъ, месяца октября въ 26 день, и быша веселящесь у отца своего за месяц, и тако разѣхашьясь каждо въ свояси, одарени дары бесценными, кони и съсуды златыми, и серебряными порты, и паволоками, а мужи ихъ такоже одари. И поехашя, славяще бога и великаго князя Всеволода»³.

«[1198] Тое же осени месяца ноября въ 9 день быша пострегы у великаго князя Всеволода сыну его Гаврилу въ граде Володимири при епископе Иоанне, в томъ же дни и на конь всажен бысть»⁴.

«[1212] Тогож лѣта месяца мая въ 23 день на память святаго Михаила епископа быша постригы у Костянтина сына Всеволожа сынома его Васику и Всеволоду. И бысть радость велика в градѣ Ростовѣ»⁵.

«[1230] И в то же лѣто князь Михаилъ створи постригы сынови своему Ростиславу в Новѣградѣ у святѣи Софѣи»⁶.

«[1302] Тогож лѣта месяца ноября въ 8 день на память архистратига Михаила быша постригы у князя у Михаила сынови его Дмитрию»⁷.

Как видим, сюжеты, связанные с постригами княжичей, весьма яркие, но не очень объемные. Поэтому в научной литературе упоминания о них встречаются часто, но специальных работ немного. Среди прочих выделяется работа А. П. Толочко. Собственно, именно она побудила меня еще раз обратиться к теме постригов, собрать все материалы, которыми располагает наука, и устроить их проверку. Однако будем двигаться по порядку.

¹ ПСРА. М., 1997. Т. 1. Стб. 409.

² Там же. Стб. 411.

³ ПСРА. М., 1995. Т. 41. С. 121.

⁴ Там же. С. 122.

⁵ ПСРА. Т. 1. Стб. 437.

⁶ ПСРА. М., 2000. Т. 3. С. 276.

⁷ ПСРА. Т. 1. Стб. 486.

Первым обратил внимание на постриги и посажение на коня юных княжичей В. Н. Татищев. В основном тексте своего труда он воспроизвел летописные известия об этих обрядах, а в примечаниях дал аналитическую справку. В примечании В. Н. Татищев высказал мнение, что обычай этот имеет языческие корни. Для обоснования он ссылается на известных польских историков Марцина Кромера и Матея Стрыйковского, которые описывали постриги как обычай, существовавший у первых польских князей еще до принятия христианства. Пострижен был «первый польский князь Лешко», что и придало этому обряду авторитет, позволивший ему сохраниться в христианские времена, несмотря на явное несоответствие христианской обрядности: «читаем у Кромера и других польских историков о подстригании Лешка, первого князя польскаго, Стрыйковский, кн. 4, гл. 4, с чего и в христианстве, яко чин, до веры не надлежащий, чрез долгое время удержан» [Татищев, с. 254]. Далее В. Н. Татищев приводит примеры бытования обычая в менее отдаленные времена. Он сообщает о «подстригании Георгия, сына великаго князя Иоанна Васильевича, в его жизни написано, что по прошествии семи лет его на седле со стрелами подстригали и на конь посадили» [Татищев, с. 254]. Более того, историк пишет, что и в его времена подобного рода обряд продолжает бытовать в знатных семействах.

Именно В. Н. Татищев первым выдвинул идею о том, что постриг княжича и его посажение на коня следует понимать как обряд возрастного перехода. Ученый сопоставляет данные о древних пострижениях с относительно недавними для него событиями: с торжественным переходом царевичей Симеона Алексеевича и Алексея Алексеевича (в сущности, его старших современников) «из рук женских в мужские», который был сопряжен с разнообразными торжествами и царскими милостями.

Не во всех деталях В. Н. Татищев был точен. Так, обряд перехода не мог быть произведен над царевичем Симеоном Алексеевичем в семилетнем возрасте на том простом основании, что он дожил всего до четырех. Однако в целом «последний летописец» успешно выступил в роли первого социального антрополога. Его выводы не потеряли научного веса и с точки зрения современного гуманитарного знания.

Выводы В. Н. Татищева поддержал и Н. М. Карамзин. Н. М. Карамзин, как известно, работал в русле традиций сентиментализма. Это идейно-художественное направление предполагало интерес к бытовым деталям в истории, к «народной жизни». Поэтому он больше места уделил постригам в основном тексте своего труда: «Летописец Суздальский, упоминая о рождении каждого, сказывает, что их на четвертом или пятом году жизни торжественно постригали и сажали на коней в присутствии Епископа, Бояр, граждан; что Всеволод давал тогда пиры роскошные, угощал Князей союзных, дарил их золотом, серебром, конями, одеждами, а Бояр тканями и мехами. Сей достопамятный обряд так называемых постриг, или первого обрезания волос у детей мужеского полу, кажется остатком язычества: знаменовал вступление их в бытие гражданское, в чин благородных всадников, и соблюдался не только в России, но и в других землях Славянских: например, у Ляхов, коих древнейший Историк пишет, что два странника, богато угощенных Пиастом, остригли волосы его сыну-младенцу и дали имя Семовита» [Карамзин, с. 137].

Великий историограф в одном коротком абзаце изложил практически всю историческую конкрету, которую можно без особых изысков «выжать» из летописного материала и сопутствующих источников. По сравнению с В. Н. Татищевым, Н. М. Карамзин продвинулся не слишком далеко. Однако некоторый привесок полезной информации содержат примечания к основному тексту [Карамзин, Примечания, с. 95–96]. Если В. Н. Татищев ссылался на труды польских историков, то Н. М. Карамзин обратился к Хронике Галла Анонима, которая и служила для них источником. Кроме того, историограф обращает внимание на молитву на первое

стрижение волос, содержащуюся в Требнике, и на воспоминания В. Н. Татищева о бытовании обычая на его памяти.

После трудов В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина сказать что-то принципиально новое о постригах было сложно. Однако ввиду своеобразной экзотичности этого обряда о нем вспоминали нередко.

С. М. Соловьев писал о постригах как обряде перехода, впрочем, не связывая его с языческими традициями. Напротив, историк ставил постриги в череду церковных мероприятий, стоящих в одном ряду с крещением, имянаречением и пр. [Соловьев, с. 12–13].

В. И. Даль определял княжеские постриги как «гражданское (не духовное) пострижение» и рассматривал их как «обряд признания ребенка мужчиной законным сыном и наследником отца, и будущим членом общества» [Даль, с. 347]. Технически же он представляет собой первую стрижку ребенка по взрослому образу и связанные с этим события празднества. Как и В. Н. Татищев, В. И. Даль писал о сохранении этого обряда до современной для него эпохи. Но если В. Н. Татищев вел речь о знатных семействах, то В. И. Даль считал, что обряд сохраняется «на Дону» [Даль, с. 347].

Н. П. Павлов-Сильванский, рассматривая «символизм» древнего русского права, пошел дальше В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина. Если зачинатели отечественной исторической науки видели в постригах обычай, восходящий ко временам общеславянского единства, то Н. П. Павлов-Сильванский предположил еще более древние корни. Он обратил внимание на сходство между древнерусскими и древнегерманскими порядками: «у немцев волосам и бороде также придавалось символическое значение как знаку свободного совершеннолетнего мужа. Отрезывание волос головы или бороды (у взрослых) служило у готов, франков и лангобардов символом усыновления. По-видимому, это стрижение волос при усыновлении находится в тесной связи с нашими постригами: стрижением волос родному сыну» [Павлов-Сильванский, с. 501–502]. Таким образом, пострижение волос, по мнению Н. П. Павлова-Сильванского, восходит к тем временам индоевропейского единства.

В. Л. Комарович, исследовавший религиозно-символические аспекты бытования княжеской власти на Руси, не мог, конечно, пройти мимо столь специфического обряда. Для него очевидным был его языческий характер. Помимо самой его формы, которая не вписывается в каноническую православную обрядность, свидетельством языческого характера постригов стала строчка из обличительного текста XVI в.: «Волови и еретицы и богомерские бабы – кудесницы и иная множайшая волшебствуют и с робят первые волосы стригут» [Комарович, с. 89–90]. Таким образом, В. Л. Комаровичу удалось пополнить источниковый фонд по теме постригов еще одним важным свидетельством.

С позицией В. Л. Комаровича не согласен А. В. Лаушкин [Лаушкин]. Не отрицая языческие корни обычая постригов, он, тем не менее, считает, что в древнерусские времена языческий смысл этого обычая был полностью заменен христианским. Кроме того, А. В. Лаушкин проанализировал даты, на которые, согласно летописному счету, приходились известные дни постригов. В результате историк пришел к выводу, что обряды эти обычно были приурочены к каким-нибудь значимым дням церковного календаря. В таком качестве могли выступать именины самих княжичей, их отцов, большие и малые церковные праздники или просто воскресенье.

Наблюдение А. В. Лаушкина весьма интересно, хотя корреляция между постригом и датой кажется несколько сомнительной: именины, праздник и воскресный день – номенклатура выглядит слишком широкой, для того чтобы установить зависимость. При таком перечне совпадение можно отыскать для многих дней в году. Тем не менее основной вывод исследователя сомнений не вызывает. Конечно, при участии епископов не могли твориться языческие обряды. Им, несомненно, был придан христианский смысл.

Рассматривал княжеские постриги и автор этих строк [Долгов]. Поскольку, как было сказано, после В. Н. Татищева написать что-то «фактологически» новое о постригах почти невозможно, я ограничился их общим описанием и тем, что высказал гипотезу, объясняющую, почему постриги в летописях упоминаются гораздо чаще, чем связанный с ними обряд посажения на коня. На мой взгляд, причина этого во внешнем изоморфизме «гражданского» и церковного постригов, который по ассоциативному принципу заставлял летописцев воспринимать пострижение юных княжичей как вполне благопристойный обряд, несмотря на его языческие корни. Меж тем посажение на коня не имело такого спасительного сходства с «приличными» православными ритуалами. Языческий субстрат проявлялся в посажении на коня существенно ярче. Именно это стало причиной того, что, рассказывая о постригах, летописцы в ряде случаев могли «забывать» о посажении. Понятно, впрочем, что эта гипотеза относится к числу гипотез, вряд ли имеющих шанс обратиться в теорию ввиду того, что надежды на прирост именно летописного материала нет.

Помимо летописных данных, немало важных фактов, относящихся к теме нашего исследования, дает этнография/этнология. Весьма значителен в этом отношении вклад Д. К. Зеленина. В своей работе, посвященной обрядам перехода, он представил широкий спектр этнографических свидетельств. Переход из младенческого в детский возраст отмечался ритуальной стрижкой у крестьян Орловской, Владимирской, Курской, Полтавской губерний, в Области Войска Донского и пр. [Зеленин, с. 181–182].

Исчерпывающий анализ символического смысла постригов как ритуала, маркирующего поступательные этапы человеческой жизни в традиционной славянской культуре, дал А. К. Байбурин. В его классическом исследовании постриги показаны как один из примеров ритуализации вполне прагматического действия [Байбурин, с. 59].

Этнологический материал, собранный и осмысленный этнологами XIX–XX вв., весьма важен для историка русского Средневековья. Широкая распространенность этого ритуала в разных районах славянского мира и глубокая его включенность в традиционную неписьменную культуру может служить надежным доказательством его древности. В противном случае нам пришлось бы предположить какой-то культурный механизм, обеспечивающий его позднее внедрение в жизнь столь разных, разнесенных и в пространственном, и в мировоззренческом отношении, групп.

Вся перечисленная здесь череда интересных работ, составляющих материал моего краткого историографического очерка, завершается статьей выдающегося украинского историка А. П. Толочко «Княжеские постриги», опубликованной в 2019 г. в альманахе «Ruthenica» [Толочко]. Главное, пожалуй, достоинство А. П. Толочко как исследователя – нестандартность мышления, позволяющая весьма успешно «шатать» сложившиеся «историографические догмы». Именно это свойство его подхода обеспечило широкую известность работам, посвященным княжеской власти в Древней Руси, критическому анализу сведений В. Н. Татищева и пр. Статья о постригах отмечена тем же чудесным полемическим задором.

В статье А. П. Толочко приходит к выводу, что обычай постригов – вовсе не рудимент языческой древности, а вполне церковное, к тому же новое мероприятие, учрежденное во владими́ро-суздальском владетельном семействе в связи со следующими обстоятельствами. По мнению историка, у Всеволода III в начале его правления образовалась некоторая проблема с детьми мужского пола. Это, конечно, не могло не тревожить могущественного князя. Рождались одни дочки: родилось их целых шесть подряд. Наконец, появился и сын – Константин. Ситуация вроде бы стала налаживаться. Однако Всеволод не спешил радоваться: сын-то был всего один, мало ли что могло с ним приключиться. Рожденные вслед за Константином Бо-

рис и Глеб умерли в младенчестве. И вот, наконец, снова сын – Юрий. Причем сын, который не умер в раннем младенчестве, а продемонстрировал определенную жизнестойкость: дожил до детского возраста. Теперь, пишет А. П. Толочко, «выживание второго сына переносило дело наследования из сферы фатальной случайности, способной прервать род, в область, пусть и непрочной, но статистики» [Толочко, с. 96]. То есть пока сын был у Всеволода один, ему было вроде бы и рано радоваться. Когда же родился Юрий, можно было уже радоваться в полную силу, и поэтому Всеволод Большое Гнездо устраивает пышное празднество с участием широких слоев городского населения.

Изложенная выше версия А. П. Толочко обладает всеми обычными качествами его научного стиля: она элегантна, остроумна и с необоримой силой взывает к критике.

Прежде всего интересно, что А. П. Толочко, выдвигая базовые тезисы, в той же самой статье делает *оговорки, меняющие их смысл на противоположный*.

Во-первых, он сначала определяет обряд пострига как новацию Всеволода, вызванную его генеалогической ситуацией. Но потом вдруг признает, что он мог существовать и ранее. Причем существовать как «обыденное семейное событие». Так новое или обыденное?

Во-вторых, в качестве главного доказательства того, что зачинателем обычая является Всеволод, он приводит то обстоятельство, что бытовал этот обычай исключительно в среде его потомков, владимиристо-суздальских князей, и фиксируется Суздальской летописью. Но вдруг потом оказывается, что тот же обычай встречаем мы в семье черниговских Ольговичей, в Новгороде! Здесь нельзя не вспомнить один из базовых принципов логики: наличие тысячи белых лебедей не доказывает отсутствие черных. Но наличие всего одного черного является стопроцентным доказательством их существования. В данном случае остается непонятным самое интересное: как и почему оригинальный семейный обряд Всеволодичей мог проникнуть в придворный обиход не просто постороннего, но прямо враждебного княжеского семейства? Однако именно этот вопрос А. П. Толочко не проясняет.

Помимо этих двух самых принципиальных возражений есть и другие. Возможно, менее радикальные, но не менее принципиальные.

Языческая традиция или христианский обряд?

В качестве главного доказательства христианского характера постригов А. П. Толочко указывает на то, что проводились они всегда с непосредственным участием духовенства: «постриги происходят в кафедральных храмах, а совершает (по крайней мере, в одном случае) отстрижение волос собственноручно епископ» [Толочко, с. 100]. Однако даже беглый анализ древнерусской общественно-религиозной практики показывает, что православное духовенство вполне гибко приспособлялось к пережиткам языческого прошлого. Примеров тому множество. Князья и в христианскую эпоху продолжали именоваться своими языческими именами, храмы возводились на местах капищ и пр. Священники как могли адаптировали исповедальные правила к местному семейному быту, в котором и без постригов хватало разного рода языческих пережитков.

При этом нужно принять во внимание, что православная обрядность имеет универсальный характер. Перечень таинств определен раз и навсегда: Крещение, Миропомазание, Причащение, Покаяние, Таинство священства, Таинство брака и Елеосвящение. Помимо таинств с глубокой древности существовали универсальные обряды, также имеющие повсеместное распространение: это освящение зданий и предметов, крестное знамение и пр. Пострижение детей не входит в их число. Если в какой-то отдельно взятой области христианской ойкумены священники проводят какой-то обряд, не входящий в перечень обрядов, утвержденных церковным каноном и обычаем, он не может быть христианским по определению, несмотря на любую степень его сходства с настоящими церковными практиками.

В контексте христианской православной обрядности обрезание волос подростку выглядит чужеродным элементом. Этот элемент не просто не вписывается в смысловой ряд. Он прямо ему противоречит, существует на правах исключения из правил и локального отклонения от нормы. Ни до, ни после, ни в иных локациях он не производился в рамках церковной обрядности, хотя, как было сказано, вне церковного ритуального комплекса встречается почти повсеместно в славянском мире.

Кроме того, как было показано, все элементы этого обряда (смысловые, материальные, организационные) прямо идентичны элементам обряда первой стрижки младенца, существовавшего в языческие времена и в статусе нецерковного обычая во времена, доступные изучению этнографами. Конечно, можно возразить, что у нас нет источников, позволяющих судить о бытовании этого обычая у славян до принятия христианства. Ведь все письменные источники, начиная с Галла Анонима и заканчивая антиязыческим текстом XVI в., созданы в письменную, а значит, христианскую эпоху. Это верно. Однако в письменном источнике важным является не только время его возникновения, но и сам смысл сообщения. Если Галл Аноним и безвестный автор обличительного текста, жившие в христианском культурном контексте, показывали обычай пострига как языческий, то отбрасывать это мнение как несущественное без должных доказательств невозможно. Но именно доказательств А. П. Толочко и не приводит.

Летопись и математика.

Еще один важный фактор общеметодологического плана. Делая выводы о динамике распространения обычая, А. П. Толочко ориентируется на динамику появления летописных сообщений о нем. Так, наличие всего одного сообщения о постригах в княжеской семье Ольговичей он считает достаточным основанием для весьма далеко идущего вывода. По мнению историка, обычай пострига поздно появился в черниговской княжеской семье, а потом быстро сошел на нет. Хотя столь же возможным является вариант, что об остальных случаях постригов информация попросту не дошла, ведь летописи фиксировали далеко не все.

А. П. Толочко по умолчанию считает отсутствие упоминаний надежным свидетельством отсутствия событий. Меж тем гипотезу о корреляции между этими показателями нельзя принимать без специальных доказательств: такая корреляция совсем не обязательно существует. Для того чтобы проверить возможность существования такой зависимости, можно взять пару процессов, динамика которых нам известна. Наиболее близкий к постригам показатель – рождения детей в княжеской семье. Такая аппроксимация позволит нам примерно представить характер зависимости между двумя переменными: «летописное сообщение» и «событие». Если принять как очевидность, что дети в княжеском роду рождались более или менее регулярно, то частотный анализ сообщений о рождении, например, в Лаврентьевской летописи исключает означенную корреляцию⁸. В разные времена и в разных территориальных летописных традициях древнерусские книжники то весьма аккуратно фиксировали рождения детей в княжеской семье, то не делали этого вовсе. Иногда между записями о рождении детей есть лакуны в несколько десятков лет. Причем известно, что князья в это время рождались, жили и умирали с нормальной периодичностью. Также нет никакой заметной регулярности в сообщениях о смертях, свадьбах и прочих событиях, которые в реальности происходят регулярно.

Поэтому летописные данные позволяют нам лишь утверждать, что обычай постригов существовал во владими́ро-суздальском и черниговском княжеских семействах. Для реконструк-

⁸ Упоминания о рождении княжеских детей читаются в Лаврентьевской летописи под следующими годами: 980, 1020, 1027, 1030, 1070, 1104, 1128, 1171, 1186, 1187, 1188, 1190, 1194, 1196, 1198, 1202, 1210, 1213, 1215, 1218, 1219, 1128, 1231, 1240, 1241, 1253, 1254, 1261, 1263, 1297, 1300, 1301. Как видим, особую тщательность в фиксации рождения детей проявил владими́ро-суздальский летописец конца XII в. Он старательно фиксировал рождение детей в семействе Всеволода III. Но в другие времена ситуация по разным причинам была иной.

ции динамики и широты распространения этого обычая в роду Рюриковичей частота летописных упоминаний нам информации дать не может.

Подведем итоги.

Постриги княжичей – торжественный обряд, являющийся обрядом возрастного перехода. Летописный материал в наибольшей степени отразил постриги, проводившиеся как торжественные события во владими́ро-суздальском княжеском семействе. Однако причина этого совсем не в том, что в других княжеских семьях ничего подобного не происходило. Новгородская летопись сообщает нам о проведении аналогичного обряда в семействе черниговских Ольговичей. Большое количество сообщений о постригах в суздальской летописи лучше объясняется особым вниманием суздальского летописца к «детской» теме вообще. Помимо постригов, эта его особенность проявилась и в беспрецедентной аккуратности фиксирования рождения детей в княжеском семействе.

Обычай детского пострига имеет множество параллелей в историческом и этнографическом материале. Причем материал этот хотя и не доказывает с полной надежностью языческие корни детских постригов, но заставляет предполагать их. Вместе с тем христианское происхождение обычая пострига княжичей можно исключить. Скорее мы имеем дело с местной русской церковной обработкой дохристианской традиции. В данном случае важно, что именно местной, так как внецерковное бытование обычая распространено шире, чем церковное. Те же исторические и этнографические параллели заставляют думать, что история существования обычая началась много раньше первого летописного упоминания о нем, а исчез он много позже последнего.

Литература

- Байбу́рин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. 340 с.
- Да́ль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. М., 2000. Т. 2. 779 с.
- Долгов В. В. Детство в контексте древнерусской культуры XI–XIII вв.: отношение к ребенку, способы воспитания и стадии взросления // Этнографическое обозрение. 2006. № 5. С. 72–85.
- Зеленин Д. К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994. 400 с.
- Кара́мзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. 3. 507 с.
- Комарович В. А. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // ТОДРА. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 84–104.
- Лаушкин А. В. Выбор дней для княжичьих постригов в Древней Руси // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2013. Вып. 3. Третьи чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–23 ноября 2013 г. С. 93–99.
- Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. 696 с.
- Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. М., 1993. Т. 3–4. 768 с.
- Татищев В. Н. Собрание сочинений. В 8 томах. М., 1994. Т. 2, 3. История Российская. Ч. 2. 688 с.
- Толочко А. П. Княжеские постриги // Ruthenica. 2019. Т. 15. С. 91–100.

References

- Baiburin, A. K. Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavjanskikh obryadov [Ritual in Traditional Culture. Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]. Saint Petersburg, 1993. 340 p.
- Dal', V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 4 vol. Moscow, 2000. Vol. 2. 779 p.
- Dolgov, V. V. Detstvo v kontekste drevnerusskoi kul'tury XI–XIII vv.: otnoshenie k rebenku, sposoby vospitaniya i stadii vzrosleniya [Childhood in the Context of Old Russian Culture of the 11th – 13th Centuries:

- Attitude towards a Child, Methods of Education and Stages of Growing up]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. 2006. No. 5. Pp. 72–85.
- Karamzin, N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [History of the Russian State]. Saint Petersburg, 1818. Vol. 3. 507 p.
- Komarovich, V. L. Kul't roda i zemli v knyazheskoi srede XI–XIII vv. [The Cult of Family and Land in the Princely Environment of the 11th – 13th Centuries]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Moscow; Leningrad, 1960. Vol. 16. Pp. 84–104.
- Laushkin, A. V. Vybory dnei dlya knyazhich'ikh postrigov v Drevnei Rusi [The Choice of Days for Princely Tonsure in Old Rus]. In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya*. Moscow, 2013. Issue 3. Tret'i chteniya pamyati akademika RAN L. V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 21–23 noyabrya 2013 g. Pp. 93–99.
- Pavlov-Sil'vanskii, N. P. *Feodalizm v Rossii* [Feudalism in Russia]. Moscow, 1988. 696 p.
- Solov'ev, S. M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia since Ancient Times]. Moscow, 1993. Vol. 3–4. 768 p.
- Tatishchev, V. N. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 8 vol. Moscow, 1994. Vol. 2, 3. *Istoriya Rossiiskaya* [Russian History]. Part 2. 688 p.
- Tolochko, A. P. Knyazheskie postrigi [Princely Postrigy]. In *Ruthenica*. 2019. Vol. 15. Pp. 91–100.
- Zelenin, D. K. *Izbrannye trudy: Stat'i po dukhovnoi kul'ture. 1901–1913* [Selected Works: Articles on Spiritual Culture. 1901–1913]. Moscow, 1994. 400 p.

Vadim V. Dolgov
Udmurt State University, Izhevsk, Russia

POSTRIGY OF YOUNG PRINCES IN OLD RUS IN THE 12th – 14th CENTURIES

The article is devoted to the postrigy (haircutting or tonsure) of princes in Old Rus in the 12th – 14th centuries. Postrigy means a rite of age transition. Russian chronicles contain information about this rite. The article defines the main stages in the study of postrigy, systematizes historical sources, and provides a critical analysis of the points of view of Russian and Ukrainian historians on the origin and essence of this rite. The article substantiates the conclusion that the postrigy of young princes is a special case of the rite of haircutting children, which was widespread and had pagan roots.

Keywords: Old Russia, postrigy, chronicles, initiation, rites of transition